

АГО КЮННАП (Тарту)

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ВТОРИЧНЫХ ОКОНЧАНИЙ ЛОКАЛЬНЫХ ПАДЕЖЕЙ В САМОДИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Пространственная ориентация в самодийских языках, как известно, основывается на трехчленной дистрибуции локальных падежных окончаний, которые делятся соответственно на лативные (куда?), локативные (где?) и аблативные (откуда?). Подсобную функцию по отношению к основной трехчленной системе выполняет особый продольный падеж (прозекутив, пролатив). В отдельных самодийских языках некоторые из указанных падежей со временем совпали по форме и образовали локальные падежи с двойными или даже тройными функциями в отношении направления, причём особенно много таких совпадений в селькупском (обратное пытается утверждать только Э. Г. Беккер, см. ниже).

Окончания локальных падежей в самодийских языках составляют две группы: первичные и вторичные. Последние не являются последователями прасамодийских падежных окончаний, имея более позднее, причём обычно послеложное происхождение. Вторичные окончания в посессивном склонении стоят за посессивными суффиксами. Особенно часто они употребляются в формах двойственного числа. Первичные падежные окончания распадаются, в свою очередь, на две группы, первая из которых свойственна парадигме склонения имен, вторая — наречиям и послелогам. Окончания локальных падежей, относящиеся к получившимся таким образом трем группам, могут выступать и в разных межгрупповых комбинациях (особенно часто опять же в селькупском). В прасамодийском явно еще не выработались парадигмы склонения двойственного и множественного числа имен, так что в этом языке можно говорить главным образом лишь об окончаниях локальных падежей единственного числа. Прасамодийский знал, по крайней мере, следующие окончания локальных падежей парадигмы склонения имен: **-ntV* латива, **-kVnV* локатива, **-kVtV* аблатива и **-mVnV* прозекутива в абсолютном склонении, **-kV-* латива, **-kVnV-* локатива, **-kVtV-* аблатива и **-mVnV-* прозекутива в посессивном склонении. При прасамодийских наречиях и послелогах употреблялись по меньшей мере следующие окончания локальных падежей: **-ŋ* латива, **-nV* локатива, **-tV* аблатива и **-mVnV* прозекутива. Эту первичную систему следует иметь четко в виду при попытке определить возраст (первичность/вторичность) того множества окончаний локальных падежей, которое обнаруживается в самодийских языках — в первую очередь, в селькупском — ныне. Выдвинуты также предположения о наличии в самодийских языках следов первичных окончаний локальных падежей (обычно прауральского происхождения и отвечающих в большинстве своем на вопрос «куда?») **-k(V)*, **-j(V)*, **-l(V)*, **-ś(V)*, **-n(V)* и их комбина-

ций друг с другом, а также иными первичными и вторичными падежными окончаниями. Но эти предполагаемые следы прослеживаются с большим трудом.

Важнейшими источниками вторичных окончаний локальных падежей в самодийских языках являются, несомненно, послелого. Но часто трудно определить, имеем ли мы дело со слитным произношением послеложной конструкции или же с переходом послелога в действительное падежное окончание (слитное написание в источниках может отражать также лишь слитное произношение; другое дело, конечно, если в образовавшейся слитной единице произошли такие изменения, которые не оставляют сомнений в наличии единой словоформы). Так, например, твердое место в нганасанской парадигме склонения получил послелог *kaja-*, который произносится почти всегда слитно с предыдущим именем, но его окончательного перехода в падежное окончание еще не произошло: (Кюннап), лок. ед. ч. *kintta kajanu* : лок. мн. ч. 3 л. ед. ч. *kindüftü kajā-nu* (раздельно!) : проз. ед. ч. *kintta kajamanu* : проз. мн. ч. *kindük kajamanu* (*kintta* 'дым'), ср. и послелог (Кастрен) *kajaŋ* '(Dativ) zur Seite, nahe, nahebei' : *kajanu* '(Loc.) an der Seite' и т. д. Поэтому вполне возможно, что вместо большого количества вторичных окончаний локальных падежей в источниках по южносамодийским языкам, особенно по селькупскому, во многих случаях мы имеем дело лишь со слитным произношением послеложных конструкций. Обстановку в современном селькупском языке метко подытожила Э. Г. Беккер: «Для современной падежной системы селькупского языка характерно образование новых падежных словоформ на базе послеложных конструкций. [...] Такими зарождающимися падежами являются прежде всего назнательно-причинный ..., предельный, раздельительный, которые в одних случаях представляют собой сложившиеся падежные словоформы, в других — находятся в стадии становления, в третьих — продолжают оставаться послеложными конструкциями.» (Беккер 1978 : 171—172).

Следовательно, не всегда удается в самодийских языках провести четкую границу между часто употребляющимися послеложными конструкциями, с одной стороны, и случаями перехода их в действительные падежные формы, с другой. Не ставится такая цель и в настоящей статье, т. е. в ходе разбора вторичных окончаний локальных падежей послеложного происхождения при определении статуса падежного окончания будем исходить из традиций, сложившихся в специальной литературе.

При помощи падежных окончаний послеложного происхождения во всех северносамодийских языках образованы локальные падежи дв. ч. парадигмы склонения имен как в абсолютном, так и в посессивном склонении: нен. *-ñā-*, *-ñā-*; эн. *-ñē-*, *-ñe-*; нган. *-ñā-*, *-ñā-*; напр., (Кастрен) нен. лат. *ñudaxa-ñā* : лок. *ñudaxa-ñāna* : абл. *ñudaxa-ñāñ* : проз. *ñudaxa-ñāuna* (*ñuda* 'Hand'); эн. 2 л. ед. ч.: лат. *libexuto-ñē* : лок. *libexuto-ñene* : абл. *libexuto-ñero* : проз. *libexuto-ñeone* (*libe* 'Adler'); нган. 3 л. ед. ч.: лат. *kulagajtu-ñāŋ* : лок. *kulagajtu-ñanu* : абл. *kulagajtu-ñata* : проз. *kulagajtu-ñamanu* (*kula* 'Rabe'). Ср., например, послелого (Кастрен) нен. *ñā* 'zu, gegen (versus)', эн. *ñero* 'von', нган. *ñāŋ* 'zu, gegen'. При помощи падежного окончания того же происхождения образован иногда и ненецкий прозекутив ед. ч., например, (Кюннап) *řa ñabbi-ñamña* 'дерева по-той-стороне'. Энецкий прозекутив образован иногда при помощи окончания, полученного от послелога с основой *ñi-*, например, (Кюннап) ед. ч. *lätta-ño:n* : мн. ч. *lätta* '-ño:n : ед. ч. 3 л. ед. ч. *lättada-ñeon* (*lätta* 'доска'); ср., например, прозекутивный после-

лог (Кастрен) *ñi'one 'oben entlang'*, (Микола) *ñiwon*. В нганасанском языке послелог с основой *ñi-*, *ñi-* дал окончания локальных падежей некоторых наречий и послелогов, например, (Кастрен) лат. *kaj-ñiŋ 'seitwärts, nahe'* : лок. *kaj-ñinu 'an der Seite, nahe'* : абл. *kaj-ñida 'von der Seite, von der Nähe'* : проз. *kaj-ñimanu 'längs der Seite'*, ср. послелог *ñijāŋ '(Dativ) nach einer Gegend'* : *ñinu '(Loc)'* и т. д.

В селькупском послелог *nš-nV* дал окончания (локатива-)аблатива *-nan(V)*, *-nān(V)* в абсолютном склонении и *-nan(n(V))*, *-nān(a)*, *-non(V)* в посессивном склонении, ср., например, (Лехтисало) абл. ед. ч. 2 л. мн. ч. *koiĵandenna-na* и послеложная конструкция (существительное с посессивным суффиксом 2 л. ед. ч. + послелог в форме абл. ед. ч.) *moatti noani (koiĵa 'jüngerer Bruder', moat 'Zelt')*. В случаях типа *-n-nan* можно предположить наличие следа генитивно-модального суффикса *-n*. (См. подробнее Күннар 1971 : 64—66, 87—89, 99, 150—155; а также Tauli 1966 : 118; N.-Sebestyén 1957—1958 : 332—333, 335.) В камасинском послелог **nV-* дал окончания локатива и аблатива некоторых наречий и послелогов: лок. *-nVn* в абсолютном склонении и *-nān-*, *-nēn-* в посессивном, абл. *-nāde*, *-nāde*, *-nšdš* в абсолютном склонении; напр., (Кюннар) *ñi'-nen 'вне, на улице'* (ср. *ñi'-tĵ. 'вон, на улице'*). (См. подробнее Күннар 1971 : 81—85.)

В селькупском послелог *nš-* дал ряд окончаний латива: 1) (Кастрен) *-nā*, *-ne*, *-ni*, *-ni*, *-ni*, *-nā*, *-n* (< **-nā*), (Доннер) *-nē*, *-ni*, *-nā*, *-n* (< **-nā*), (Прокофьев) *-nā*; 2) (Кастрен) *-nind*; 3) (Кастрен) *-neŋ*, (Прокофьев) *-niĵk*, *-niŋ*; 4) (Лехтисало) *-nin* (< **-niŋ* или **-nina*). Ср., например, лативное наречие (Кастрен) *ni*, *ni* (Прокофьев) *nĵ* 'dorthin'. Перед окончанием *-nā* и т. д. можно иногда увидеть также окончание генитива-модали *-n*, при помощи которого оформлен первый член исходной послеложной конструкции. Например, (Кастрен) лат. ед. ч. *loga-ne ~ loga-ni ~ loga-nā ~ loga-n ~ loka-n ~ lokka-ni ~ loga-n-ne ~ lokka-n-ni* (*loga ~ loka ~ lokka 'Fuchs'*), (Кузьмина) *tāwa-nā 'мышь'*, *pēkke-n-ni 'к рябчику'*, *suru-n-ni 'на зверя'*. (См. подробнее Күннар 1971 : 86—87, 94—95.) А. Й. Йоки пишет: «Im Selkupischen ist zwar seit Castréns Grammatik in gewissen Fällen auch das blossе *n* als Dativsuffix erwähnt worden. Es handelt sich jedoch um eine späte Kürzung, entstanden durch den Schwund von anderen Elementen des Suffixes. Die Dativendung *n* ist bekannt nur aus einigen nördlichen Mundarten, und nirgends ist sie das einzige Ausdrucksmittel der Dativität, sondern wird sporadisch nur neben anderen Suffixformen verwendet. Nach Castréns Handschriften begegnet das *n* als eine Variante der Dativendung ausschliesslich in den Mundarten Narym (= Narym und Tym bei Kai Donner), Tas und Baicha... Es ist also unmotiviert zu behaupten, dass im Selkupischen ein «uraltetes Dativsuffix *n*» erhalten geblieben wäre.» Правильность своих доводов он убедительно доказывает на соответствующем материале (см. Joki 1971 : 12—15). Е. А. Хелимский рассматривает перечисленные выше селькупские окончания латива *-nā* и т. д. (включая вариант *-n*), *-neŋ* и т. д. и *-nin* в качестве вариантов одного и того же окончания падежа, называемого им дативом-аллативом (Хелимский 1978 : 121). Он также считает возможным связывать начальный *n*-овый элемент этого окончания с окончанием генитива *-ñ* исходной послеложной конструкции, не отвергая в то же время и другие возможные интерпретации (125—127).

В течение ряда последних лет Э. Г. Беккер ввела в научный оборот по категории падежа в разных селькупских диалектах богатый новый материал, собранный в Томском педагогическом институте, в том числе

ею самой. Особое внимание привлекает ее монография, посвященная этому вопросу (Беккер 1978). В ней автор пишет: «В языке селькупов Томской области *n*-овые формы дат.-напр. падежа представлены довольно широко, однако к их осмыслению следует, видимо, подходить дифференцированно. Наличие одних действительно связано с процессом редукции конечных элементов аффикса: Ив. *mat arágon kvanžak* 'я к старику пойду' (*arágon* < *aragoni); *kibaičen vađer meňzar* 'ребенку мяса дам' (*kibaičen* < *kibaičeni); ср. однако: *mat kumné öžem (öžer) tembar* 'я человеку слово дал'. Наличие других ничего общего с процессом редукции, на наш взгляд, не имеет.» (с. 62). Последнее утверждение, к сожалению, автором никак не поясняется и не иллюстрируется, вызывая тем самым полное недоумение, которое лишь возрастает при чтении следующего подстрочного замечания: «Имеющая место *n*-овая форма дат.-напр. падежа, отвечающая на вопрос «кому?», — плод редукции конечного гласного показателя *-ni*» (с. 183), т. е. возникают и такие вопросы: почему только при вопросе «кому?» и почему только при варианте *-ni* (ведь имеются и другие варианты, напр., *-nä*, *-ne*, *-nə*, которые приводит и сама Э. Г. Беккер, см. с. 56)?

Ввиду всех этих обстоятельств я практически не вижу возможности искать для рассматриваемых селькупских окончаний латива какие-то другие источники, кроме послелого *nš-*. Более того: данные северно-самодийских и селькупского языков приводят к предположению, что этот же послелог дал и в камасинском вторичное окончание латива, но оно ассимилировалось с вариантом *-n(V)* первичного окончания латива *-n(V(°))*, *-dV(°)*, *-tV* (< **-ntV*) (о последнем см. подробнее Кюннар 1971 : 72—75). Небезынтересно отметить, что не исключено возведение всех рассмотренных выше *n*-овых послелогов в разных самодийских языках к единой прасамодийской послеложной основе **nä-* (о чем см. особенно Janhunen 1977 : 99).

К таким прасамодийским послеложным основам, при помощи которых в разных самодийских языках образованы вторичные окончания локальных падежей, следует отнести также **jV-*, (?→) **jVt(V)-* (в качестве общесамодийской послеложной основы Ю. Янхунен реконструирует только **jet-* 'für, wegen, gegen' (postp.), см. Janhunen 1977 : 44): явную тенденцию к переходу в падежные суффиксы показывают в нганасанском **jV-*, а в селькупском — **jVt(V)-*; например, нган. (Кюннап) лат. 3 л. ед. ч.: ед. ч. *kindettu-jä* : дв. ч. *kinttagajfti-jä* : мн. ч. *kindüftü-jä* (*kintta* 'дым'), сельк. (Беккер) *tebekuwan-dat* 'о муже' (см. подробнее Кюннар 1976; ср. и Беккер 1978 : 172—176).

Переход послелого в падежное окончание может ограничиваться, конечно, и одним языком (как и наличие соответствующего послелoga в самодийских языках вообще). Так, селькупское окончание латива (-аблатива) *-maγan*, *-meagan*, *-miγin*, *-miqin*, напр., (Прокофьев) лок. ед. ч. *ätän-miqit* : лок. ед. ч. 2 л. ед. ч. *ätändi-miqit* (*ätä* 'олень'), (Кузьмина) *qari-miγin* 'утром', восходит к локативному послелогу *maγan* и т. д., например, (Лехтисало) лок. ед. ч. *ätet miqit* (*ätä* 'Rentier'), который образован при помощи первичного окончания локатива *-γan* и т. д. от слова *mä*, *mī*, *mə* и т. д. 'Ding, etwas' в селькупском в отдельности (ср. и Беккер 1978 : 95—97).

Очень пеструю картину в селькупском языке дают слитные окончания локальных падежей, полученные в результате комбинирования нескольких суффиксов, причем нередко разного происхождения (пер-

вичного и вторичного). Выявлению их составных частей и прослеживанию хода их образования сильно мешают фонетические изменения, а также влияние морфологической аналогии. В качестве примера подобного рода окончания, вызвавшего впрочем длительную дискуссию, можно назвать *-wlā* и т. д.: латива-транслатива (см. Kūppar 1971: 88, 100; Hajdú 1973; Katz 1979). На ряд таких окончаний указывает Э. Г. Беккер (1981).

В сложной ситуации, создавшейся в селькупском языке в результате всех этих и ряда других фонетических и морфологических процессов, подчас исключительно трудно ориентироваться. Так, Э. Г. Беккер пришла к следующему выводу: «Исходя из селькупских данных, можно заключить, что пространственные восприятия на вопрос «где?», «куда?», «откуда?» морфологически... не были дифференцированы, т. е. разветвленная система значений, передаваемая на современном этапе функционирования языка серией падежей пространственно-временной ориентации (местно-временным, дательно-направительным, исходным) находила и сейчас еще находит во многих случаях свое выражение в одной грамматически оформленной единице. Об этом свидетельствует ряд наречных форм, послелогов, а также существительных, оформленных *-n/-t*. Падежные показатели *-n/-t* классифицируются нами как форманты с локативно-лативно-аблативным значением.» (1981 : 132). В качестве примера остаточной нерасчлененности латива-локатива-аблатива на *-n*, *-t* она приводит «наречие *ukit* (*ukkon*, *ukot*, *ogot*, *ogon*)» в предложениях типа СтС *čažalti ogon* 'идите [вы] вперед', УО *man čāčan ukkon* 'я иду впереди' (132). Но укажем, что Г. Н. Прокофьев различал в тазовском диалекте два отдельных наречия: «*ūkýt* (р[одительный] п.) — 'в начале' [...] *ukōt* (м[естный] п.) — 'прежде', 'раньше'» (Прокофьев 1935 : 48—49). И. Эрдейи приводит таз. *ukin*, *ukit*, 'в начале, впереди, вперед' и *ukon*, *ukot* 'прежде, раньше, давно; вперед, впереди, сначала' в качестве двух отдельных дериватов основы *uki*, *ūki* 'нос, передняя часть; клюв; жало; носок'; здесь мы находим также явную локативную форму основы *uko-*: *parohodit tüptänti ukoqit* 'vor (od. früher) der Ankunf des Schiffes' (Erdélyi 1970 : 282аb). Ю. Янхунен приводит ненецкие и энецкие соответствия селькупской основы *uki* и реконструирует их общий прасамодийский источник в виде **ukā* 'Ende, Vorderteil' (Janhunen 1977 : 30). В этом освещении я считаю наиболее вероятным, что сельк. *uki-n*, *-t* и *uko-n*, *-t* являются формами генитива-модали с падежным окончанием *-n*, (>) *-t*. Никаких других примеров употребления предполагаемого ею нерасчлененного остаточного окончания латива-локатива-аблатива *-n*, *-t* Э. Г. Беккер не приводит.

Далее Э. Г. Беккер утверждает, что «анализ материала по селькупскому языку позволяет заключить, что на начальном этапе функционирования падежные форманты *-kin/-kit*; *-min/-mit* во многих случаях повторяли все функции, свойственные неосложненным показателям *-n/-t* — локативную, лативную и аблативную». Это утверждение она пытается подтвердить целым рядом примеров из современного селькупского языка, в котором падежные окончания *-qin*, *-qit* и *-min*, *-mit* действительно имеют двойные и тройные функции в отношении направления (Беккер 1981 : 132—133). В итоге она приходит к следующему выводу: «Остаточные явления морфологической нерасчлененности различных пространственных характеристик в селькупском языке говорят об определенной логике мышления селькупа в прошлом, сводившейся к месту («где?»), с которым ассоциировалось движение в пространстве

в направлениях «куда?», «откуда?». [...] Дальнейший процесс становления падежной системы селькупского языка являет собой факт морфологического отмежевания латива и аблатива от локативно-лативно-аблативной формы с местным значением.» (с. 133—134).

Точка зрения Э. Г. Беккер противоречит данным, полученным при сравнительно-историческом изучении падежной системы самодийских языков, и не может быть вызвана ничем иным, как заблуждением исследователя из-за сложности ситуации, которая возникла в селькупском языке в результате вторичных процессов, имевших в подавляющем большинстве случаев место в период самостоятельного развития этого языка. Наличие в селькупском (и в других самодийских языках) остаточной нерасчлененности локальных формантов, конечно, не исключено, но эта нерасчлененность не лежит в основе тех явлений, которые пытается объяснить Э. Г. Беккер. Предпринимаемая такую попытку, она не считается ни с наличием других самодийских языков, ни с достижениями современной самоедологии в изучении данного вопроса (см. особенно Hajdú 1966 : 120—127; Joki 1971; Künnap 1971 : 56—155; Mikola 1975 : 201—210; 1979; Künnap 1981). Ведь очевидно, что селькупский язык в отношении падежной системы в самодийской семье языков составляет исключение, примерно такое же, как венгерский в финно-угорской семье. Причем в обоих случаях мы имеем дело не с санскритом этих семей, а наоборот — с накоплением инноваций. Лишь всесторонний и детальный сравнительно-исторический самоедологический анализ богатого нового материала по селькупскому языку, собираемого и публикуемого томскими (напр., Морев 1973; Беккер 1980), московскими (напр., Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980) и новосибирскими (напр., Кузьмина 1967) исследователями, позволит до конца разобраться в пестрой мозаике селькупской падежной системы. Следует избегать преждевременных далекоидущих выводов, сделанных на основании явлений, лежащих на поверхности одного из родственных языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Беккер Э. Г. 1978, Категория падежа в селькупском языке, Томск.
 — 1981, О падежах пространственно-временной ориентации в селькупском языке. — СФУ XVII, 131—136.
- Беккер Э. Г., Воеводина Н. М. 1980, Селькупские тексты. — Сказки народов Сибирского Севера, Томск, 55—71.
- Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. 1980, Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект I, [Москва].
- Кузьмина А. И. 1967, Диалектологические материалы по селькупскому языку. — Исследования по языку и фольклору II, Новосибирск, 267—329.
- Кюннап А. 1976, Самодийские послелоги **jVt(V)* и *jV. — СФУ XII, 53—57.
- Морев Ю. А. 1973, Звуковой строй среднеобского (ласкинского) говора селькупского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Томск (рукопись).
- Прокофьев Г. Н. 1935, Селькупская грамматика, Ленинград.
- Хелимский Е. А. 1978, Древнейшие угорско-самодийские языковые связи (Анализ некоторых аспектов генетических и ареальных взаимоотношений между уральскими языками). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (рукопись).
- Frdélyi, I. 1970, Selkupisches Wörterverzeichnis. Tas-Dialekt, Budapest.
- Hajdú, P. 1966, Bevezetés az uráli nyelvtudományba. Budapest.
 — 1973, Das sölkupische Translativsuffix *-wä*. — FUF XL, 20—28.
- Janhunen, J. 1977, Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien, Helsinki (Castrenianum'in toimitteita 17).
- Joki, A. J. 1971, Über das Element *n* in der samojedischen Deklination. — FUF XXXIX, 1—17.
- Katz, H. 1979, Bemerkungen zum selkupischen Translativ-Suffix «*-wä*». — NyK 81, 373—379.

- K ü n n a p, A. 1971, System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe I. Numeruszeichen und Nominalflexion, Helsinki (MSFOu 147).
 — 1981, Zur Geschichte des Lativs und des Plurals im Samojedischen. — СФУ XVII, 110—118.
 M i k o l a, T. 1975, Die alten Postpositionen des Nenzischen (Juraksamojedischen), Budapest.
 — 1979, Zur Geschichte des Plurals im Nenzischen. — Festschrift für Wolfgang Schlachter zum 70. Geburtstag, Wiesbaden (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica 12), 189—194.
 N. - S e b e s t y é n, I. 1957—1958, Die possessiven Fügungen im Samojedischen und das Problem des uralischen Genitivs. — ALHung. VII, 41—71, 273—340.
 T a u l i, V. 1966, Structural Tendencies in Uralic Languages, The Hague.

AGO KÜNNAP (Tartu)

DIE HAUPTQUELLEN DER SEKUNDÄREN ENDUNGEN DER LOKALKASUS IM SAMOJEDISCHEN

Wie bekannt, beruht die Raumorientierung in den samojedischen Sprachen auf einer dreigliedrigen Distribution der Endungen der Lokalkasus: des Lativs (wohin?), des Lokativs (wo?) und des Ablativs (woher?). Eine Ergänzung dieses dreigliedrigen Hauptsystems bildet der eigenartige Kasus des Prosekativs (Prolativs). Im Laufe der Zeit sind in den verschiedenen samojedischen Sprachen einige der erwähnten Kasus ihrer Form nach zusammengefallen und haben Lokalkasus mit zweifachen und sogar mit dreifachen Richtungsfunktionen gebildet, wobei es derartige Kasus besonders viel im Selkupischen gibt (etwas gänzlich Entgegengesetztes hat nur E. Becker behauptet, worauf im vorliegenden Artikel im weiteren hingewiesen wird).

Die Endungen der Lokalkasus der samojedischen Sprachen gliedern sich in zwei Gruppen: in primäre und in sekundäre. Die letzteren stammen nicht von den Lokalkasusendungen des Ursamojedischen ab, sondern sind später, gewöhnlich postpositionaler Herkunft. Man kennt Lokalkasusendungen, die es ohne Zweifel im Ursamojedischen gab. Dieses primäre System muß man berücksichtigen, wenn man sich an das Bestimmen des Alters (primär/sekundär) einer großen Anzahl der heutigen Endungen der Lokalkasus der samojedischen Sprachen macht. In den samojedischen Sprachen hat man auch die primären Endungen der Lokalkasus $*-k(V)$, $*-j(V)$, $*-l(V)$, $*-s(V)$, $*-n(V)$ und die Spuren ihrer gegenseitigen Kombinationen angenommen, doch diese Spuren lassen sich nur schwer verfolgen.

Die Postpositionen bilden ohne Zweifel die bedeutendste Quelle der sekundären Endungen der Lokalkasus der samojedischen Sprachen. Dabei hat man es hier stets mit einem anhaltenden Vorgang zu tun, wodurch auch zahlreiche, in einem Übergangsstadium befindliche Elemente vorkommen. Im Artikel hat man darauf verzichtet, die Stadien dieses Vorgangs genau voneinander zu unterscheiden, und es wird bei der Bestimmung des Endzustands der sekundären Endungen der Lokalkasus von den vorhandenen Traditionen der Fachliteratur ausgegangen. Im Artikel wird eine Menge von sekundären Endungen der Lokalkasus, die von Postpositionen abstammen, aufgezählt.

In der komplizierten Situation, die im Ergebnis verschiedener phonetischer und morphologischer Prozesse entstanden ist, fällt es einem oft schwer, sich richtig zu orientieren. So ist auch E. Becker zur irrtümlichen Schlußfolgerung gelangt, daß mehrere Lokalkasusendungen des Selkupischen mit zweifacher und dreifacher Richtungsfunktion Rudimente des ursprünglichen Zustandes darstellten, da die Endungen der Lokalkasus noch nicht ihre Richtungsfunktion entwickelt hatten. Gewiß ist es nicht ausgeschlossen, daß man im Selkupischen (wie auch in den anderen samojedischen Sprachen) irgendwelche Spuren dieses nichtdifferenzierten Zustandes finden kann, doch die Gebrauchsweise der von E. Becker aufgezählten Kasusendungen kann man keineswegs für diese Spuren halten.

E. Beckers Standpunkt steht im schroffen Widerspruch zu den Ergebnissen der komparativ-historischen Erforschung des Kasussystems der samojedischen Sprachen, es berücksichtigt auch nicht das Vorhandensein der anderen samojedischen Sprachen noch die Errungenschaften der Samojedologie. Es ist ja ganz offensichtlich, daß das Selkupische im Kasussystem der samojedischen Sprachfamilie eine Ausnahme bildet, ungefähr ebenso wie das Ungarische in der finnisch-ugrischen Sprachfamilie es ist. Doch in beiden Fällen haben wir es nicht mit dem Sanskrit dieser Sprachfamilien, sondern im Gegenteil mit einer Häufung von Innovationen zu tun.